Московский союз литераторов

Мистические истории

Мистическая проза
членов секции поэзии
Московского союза литераторов

Москва

2023

УДК 8 82.82-3-82-32
ББК 84.4
М65

Составители
Валерий Галечьян, Людмила Осокина

Книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры РФ

М 65 **Мистические истории.** Мистическая проза членов секции поэзии Московского союза литераторов./ Сост. В. Галечьян, Л. Осокина. – М.: МСЛ., 2023. – 38 с.

В этой маленькой книжечке собраны мистические истории членов секции поэзии Московского союза литераторов. Всего их девять, равно как и авторов.

Истории эти вполне реальны, произошли с их авторами наяву, и по этой причине запомнились им надолго, если не на всю жизнь. И это не только мистические байки, но и своеобразный духовный опыт постижения иной действительности.

В оформлении использованы работы
Татьяны Виноградовой

© Авторы, *тексты*
© Валерий Галечьян, *составление*
© Людмила Осокина, *составление, предисловие,*
© Татьяна Виноградова, *цифровые коллажи*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой маленькой книжечке собраны мистические истории членов секции поэзии Московского союза литераторов. Всего их девять, равно как и авторов.

Истории эти вполне реальны, произошли с их авторами наяву, и по этой причине запомнились им надолго, если не на всю жизнь.

Цикл данных рассказов первоначально планировался как дополнение, как один из разделов вышедшей одновременно «Антологии мистической поэзии». Но позднее было решено издать эту прозу отдельной книжкой.

И вот она перед вами.

О чем рассказывается в этих историях? Я бы так сказала, о духовном опыте постижения иной действительности.

Николай Архангельский общается со скульптурами в художественной студии, куда он ходил когда-то заниматься живописью. Это было в начале 1990-х. Но студия закрывается, учеников выгоняют из помещения, и в последний вечер статуи прощаются с Николаем. Прощаются молча и печально, но он это прекрасно чувствует. Все длится не более 10 минут, и скульптуры в этот момент воспринимаются как живые. Но время общения истекло, и они опять превратились в бездушный гипс. И вроде бы ничего и не произошло на физическом плане, автор просто посидел какое-то время в пустой студии рядом со скульптурами, дожидаясь, когда придут остальные студийцы. Но в его внутреннем мире произошло, тем не менее колоссальное событие.

Татьяна Виноградова идет по улице и внезапно замечает ветку боярышника с красными ягодами на фоне голубого неба. И эта ветка ее заворожила: «Я увидела Ветку-с-Ягодами-и-Небо. Увидела очень резко и ярко. В их первозданном единстве. И они пели Песнь Счастья». Но опять же, это длилось недолго, всего мгновение. Потом ветка стала обычной,

ничем не примечательной. Но впечатление осталось, причем на всю жизнь: «Потом, несколько лет спустя, я прочла описание того состояния, которое в дзэн-буддизме называется сатори, Просветлением. Его невозможно выразить словами».

Вот такое просветление снизошло и на Николая Архангельского, и на Татьяну Виноградову. Хотя внешне ничего, казалось бы, и не случилось.

В других же историях кое-что уже случается. Как, например, в рассказе Марины Соловьевой «Невозможно поверить». Их сосед по даче, очень неприятный человек, ехал с ними в одном автобусе и в разговоре с отцом Марины сбогохульничал. И тут же упал замертво, пытаясь выйти на своей остановке. Карающая Божественная длань настигла его мгновенно. Конечно, это редкость, чтобы Божественные силы вот так быстро и напрямую кого-то карали, но иногда случается. И это тоже мистический случай, свидетелем которого случайно оказался автор. А может, и неслучайно.

Валерия Исмиева, придя на кладбище с подругой, оказывается вовлечена в разговор с женщиной в белом платке, которую видела только она, а подруга так и не увидела. Похоже, эта женщина была духом или призраком: «Как-то раз мы пришли с подругой на старинное кладбище. Устав, я присела на старую, траченную временем скамью возле красивого памятника, подруга продолжала медленно расхаживать между надгробиями. Мне захотелось закрыть глаза... Когда я их открыла, напротив меня стояла невысокая женщина в белом платке. Мне показалось, что она смотрит на меня с укоризной».

Но не только на кладбище общались с Валерией мертвые, они приходили и во снах: «Например, в снах ко мне приходили мёртвые из моего рода – те, кого я застала в живых, и те, кого давно нет на свете и кого я ни разу не видела. Открывали свои имена. Делились силой. Предупреждали об опасности для меня и о смерти близких. Одни сообщения я держала

в голове и учитывала, другие, к сожалению, игнорировала. Чаще всего сообщения высказывались метафорическим языком». Вот такие дела.

И я, автор этих строк, тоже постоянно вовлечена в какие-то мистические события: некоторые из них происходят наяву, в реальной жизни, а другие – в моем внутреннем мире. Но это не значит, что они менее реальны. Одно из таких событий я описываю в сюжете «Черная Пасха. "Тебя забыли в аду"». Думается, вам интересно будет об этом прочитать.

И много всякого таинственного и мистического вы увидите в историях других авторов, представленных в этой книжке, – Изабеллы Вербовой, Натальи Гребневой, Сергея Криницына, Елены Твердисловой.

Мистика, на самом деле, давно и прочно вошла в нашу жизнь. Просто одни люди эти события отслеживают и относятся к ним очень серьезно, другие же вообще стараются не замечать. Но даже если эти события не замечать, они все равно оказывают большое влияние на нашу жизнь.

Людмила Осокина

НИКОЛАЙ АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Осень 1991

А у кого из вас в жизни был мистический опыт?

Расскажу случай.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов я ходил в студию живописи.

Это был момент, когда народу уже разрешили собираться как это принято говорить, больше двух, но коммерция ещё не захватила дома культуры в Москве. Были у нас выставки, обсуждения, знакомства. К нам в студию приходили иностранцы, и даже имела место вялотекущая продажа работ. Каким бы уставшим я ни приходил с работы в студию, но из неё поздно вечером я уходил с лёгкостью во всём организме. Так прошли три года.

Хорошее было время!

А потом пришла коммерция.

Завод Владимира Ильича* приостановил свою работу, но не забыл о своих строениях социального значения. Площади его клуба на Серпуховке, в котором мы, художники, были под крылышком детской студии, стали стоить столько денег за один квадратный метр, что кроме японских и американских фирм туда уже никто не был вхож.

Всех своих они тоже выгнали. Даже заводской ансамбль танца, который, вообще, не занимал помещения и репетировал в коридоре, и его распустили. Отчётность о культуре для райкомов больше не была нужна. Начинала быть ненужной сама культура.

Короче, нам тоже назначили дату выселения.

Это была осень 1991 года. Ситуация «Вишнёвого сада».

---

* **Московский электромеханический завод им. Владимира Ильича** (до 1922 г. –«Завод Михельсона»), одно из старейших машиностроительных предприятий СССР. *(Прим. ред.)*

И такое же грустное настроение.

В один из этих последних дней я пришёл в студию раньше всех. Открыл дверь своим ключом, за стеллажом попил чаю. За окнами уже стемнело, и я решил расслабиться. Выключил свет и закрыл глаза. Студия была шикарная, окна во всю стену, и у противоположной стены стояли гипсовые фигуры. Аполлон, Сенека, Платон, кто-то ещё. Стандартный набор для студии.

Тишина полная.

Насколько «вдруг» это началось, я не знаю.

Я почувствовал, что в студии я не один.

Это было колдовство. Я выглянул из-за стеллажа. Фигуры смотрели каждая в свою сторону и были освещены какой-то мертвенной ртутной лампой с улицы.

Но они со мной прощались!

Пишу и думаю, вправе ли я ограничиваться одиноким словом – «прощались»...

По сути, его достаточно. Строить объяснения на тему прощания гипсовых статуй можно – но разве что в научно-объяснительном жанре, либо, допустим, в комическом. Ещё отмечу, когда я общаюсь с людьми очно, то совсем не замечаю своё «животное чувство» физического их присутствия. Просто, потому, что я вижу и слышу их, живых. Если же этого нет, то получается, что на первый (и единственный) план выходит, именно, это, «животное».

Ещё можно было бы вспомнить о ребёнке, который умеет наделять душой свою неживую бездушную игрушку. И это тоже вопрос – взрослые должны смотреть на играющего ребёнка свысока и покровительственно или же ребёнку было бы уместнее пожалеть их, потерявших естественное умение одаривать неживое душой...

В общем, ОНИ благодарили меня.

За внимание и за участие.

Молча.

Я боялся пошевелиться и просидел в одной позе, наверное, минут десять. Пока не отсидел заднюю точку. А напряжённость излучения на меня благодати не уменьшалась. И всё это было при полной осознанности происходящего.

Когда поза меня совсем утомила, я встал и зажег свет. Потом попробовал снова вернуть это состояние, но оно ушло без следа.

Фигуры оставались гипсовыми.

А вскоре начали приходить мои товарищи, студийцы.

Я человек не впечатлительный. Прямо скажем, малочувствительный. Ничего подобного в жизни у меня не было, и дальше не ожидаю. Наверное, большего и не нужно.

Просто теперь я знаю, что у меня есть друзья, которые говорили со мной своим молчаливым языком – через бездушные статуи.

Хорошо иметь друзей.

17.11.2017, 18.07.2023

ИЗАБЕЛЛА ВЕРБОВА

Шуба

Восьмидесятые годы. До всеобщей компьютеризации еще много воды утечет. Я работала в ежедневной вечерней газете. В большой комнате, на дверях которой значилось «Машбюро», работало восемь или девять (сейчас уже и не помню сколько) машинисток. С одной их них, Галей, я как-то подружилась, иной раз ходили вместе пить кофе в буфет, или в их комнате иногда пили чай. Галя была очень видной «девушкой двадцати восьми лет» (она это подчеркивала). Потому что считала, ей уже пора иметь детей. Но даже во втором браке этого пока не получалось. Нежные свои чувства она перенесла на собаку, которую растила со щенка. Теперь это была уже громадная овчарка, и ее большая фотография (из которой было понятно, что собака еще и умница, так как была просто увешана всевозможными медалями, завоеванными на разных соревнованиях) красовалась на стене, около ее рабочего места. Галя годилась своим Джеком и при случае всегда о нем что-то рассказывала. Муж Гали был вроде бы геологом, постоянно в командировках, вроде бы на Севере. Галя с иронией о его работе говорила: «Он там, где золото роют в горах». Ну, золото – не золото, а обеспечивал он свою жену неплохо.

И вот однажды Галя пришла на работу в шикарной шубе. В ту пору шуба была редкостью, все девчонки в машбюро после всплесков восхищения стали примерять эту шубу. А я как раз принесла материал для перепечатки. Все, что писали мы, журналисты,– статьи, очерки, интервью, заметки и т. д., перепечатывалось на бланки с логотипом газеты и шло в дальнейшую работу. Меряют девчонки шубу, и вдруг я, хотя меня никто не тянул за язык, говорю:

– А ты, Галя, с этим мужем жить не будешь. У тебя будет другой муж, моложе тебя. Ты уедешь далеко отсюда.

Тут Галя просто закричала, как говорится в сказках, нечеловеческим голосом:

– Что вы такое говорите! Глупости, не будет этого!

Я же, как не слыша, продолжаю:

– А жить будешь так, что эту шубу будешь класть Джеку вместо подстилки...

В общем, скандал!..

Галя со мной не разговаривает, в коридоре не здоровается, все мои материалы печатает в последнюю очередь. Так прошло месяца два. Потом кто-то из девочек в машбюро сказал, что Галя взяла отпуск за свой счет...

И вот в один из дней дверь в мой кабинет слегка приоткрывается, на пороге стоит Галя и манит меня в коридор:

– Пойдемте, попьем кофе. Надо поговорить. Вы меня простите, так все повернулось... Даже не знаю, с чего начать.

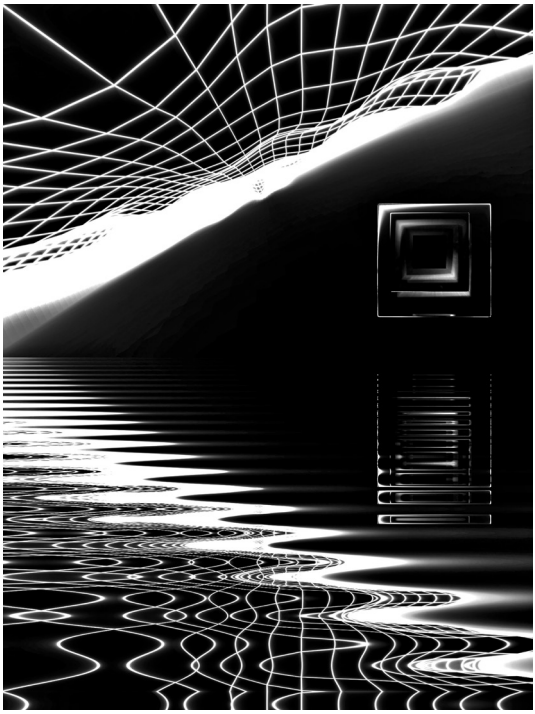
И вот ее рассказ:

– Через несколько дней после нашей ссоры приходит ко мне в гости партнер, и, как мне казалось, друг моего мужа, Валера, он только приехал из командировки, я думала, он мне хочет что-то передать, но нет. Он прямо с ходу стал мне рассказывать, что мой муж мне изменяет, у него в Чите женщина, которая вот-вот родит, и муж со мной собирается разводиться. Я, конечно, не поверила, а он предложил мне с ним лететь в Читу и все увидеть своими глазами.

Раз такое дело, я взяла отпуск. Прилетели в Читу ночью. Пришли по адресу. Дверь открывает муж, а за ним женщина на сносях... Летели в Москву с Валерой. Я рыдаю так, что на меня оглядываются. Но мне все равно, а Валера мне горячо говорит, что любит меня и хочет, чтобы я стала его женой, и никогда бы он так не поступил, но у него очень выгодное предложение из Канады сроком на семь лет и он не мог больше ждать, и не хочет меня потерять. И все время говорит о своей любви. Я не вслушиваюсь, все это звучит как-то «по касательной». Единственно, что вставила: «Ты же меня моло-

же на четыре года». Он прямо встрепенулся: «Господи, какая ерунда!». И продолжает меня уговаривать, а я даже слушать не хочу. И вдруг меня словно током пронзило. Он сказал мне фразу, которую сказали тогда мне вы. «Жить будешь со мной так, что эту шубу будешь класть Джеку вместо подстилки». А я в этой шубе поехала, мороз же...

В общем, развелась Галя с мужем, а через некоторое время вышла замуж за Валеру и уехала с ним в Канаду. Надеюсь, что она с ним счастлива.



ТАТЬЯНА ВИНОГРАДОВА

Ветка на фоне неба

У меня всего раз в жизни было чувство абсолютного счастья. Классе в четвертом. Не позже. Дорога из школы шла через такое, более или менее потаенное, местечко: справа – забор детского сада, слева – глухая стена продуктового магазинчика (в прошлом стеклянная, прозрачная, но давно уже покрытая слепой зеленоватой краской). Короче, с двух сторон все очень скучно и предсказуемо, а сверху – вольное небо. И вот, тащусь я из школы, еще только сентябрь, а портфель уже жутко тянет к земле, и ощущение неизбывной безнадежности всего (школу я ненавидела, и это чувство было взаимным). Иду я по этому скучному проходу, день солнечный, время обеденное, вокруг, слава Богу, никого. И вдруг почему-то поднимаю глаза и вижу... Нет, я и раньше, и день, и два назад проходила здесь, но то ли дни были не такие яркие, то ли время еще не приспело... Но именно сейчас я увидела ЭТО.

Это была Ветка. С ярко-алыми ягодами. Они пламенели, реяли, светились в легчайшем, вольном, лазоревом небе...

Нет. Все не так. Я много лет вспоминаю, вызываю в памяти этот миг, но никак не могу восстановить охватившее меня тогда чувство – чувство полной свободы и полной гармонии с миром – нет, растворения в нем! Я уже не знала, кто из нас – Таня и кто – Ветка. Я была ею, она мною, и мы обе летели, смеялись в чистейшей, лучезарнейшей лазури...

Нет. Все равно не так.

Попробую еще раз. Итак, я шла из школы и вскинула глаза. В высокой, искрящейся, светоносной синеве, над моей головой, но все же чуть впереди, беззаботно качалась ветка боярышника с гроздью сверкающих красных ягод. И вдруг не стало ничего – ни мыслей, ни школьной привычной тоски, ни

ощущения собственного тела, влекущегося домой, к сумрачным родителям, и изнывающего под тяжким бременем портфеля. Я увидела Ветку-с-Ягодами-и-Небо. Увидела очень резко и ярко. В их первозданном единстве. И они пели Песнь Счастья. Хотя никакой песни слышно, конечно же, не было. Дело не в этом. Я поняла их. На какой-то, очень длительный миг, я стала ими. И еще чем-то бóльшим – даже и сейчас не знаю, как Оно называется. Мироздание? Предустановленная Гармония? Да и нет у Него никакого имени, Его можно только почувствовать.

...Столько уже понаписала, а выразить по-настоящему никак не могу. Ну, в общем, я вдруг поняла (всею собой поняла, а не только головой), что мир – прекрасен. И бесконечен. Бесконечно прекрасен, вот! И для этого понадобились – всего-то! – кусочек голубого неба и гроздь ягод боярышника, рубиново сверкающая на солнце. Ну и еще – воспринимающее их сознание, мое то есть. Но именно сознание мое в тот миг странно изменилось: «я сама» как бы перестала существовать и мгновенно слилась со всей этой бесконечной, пронзающей насквозь красотой.

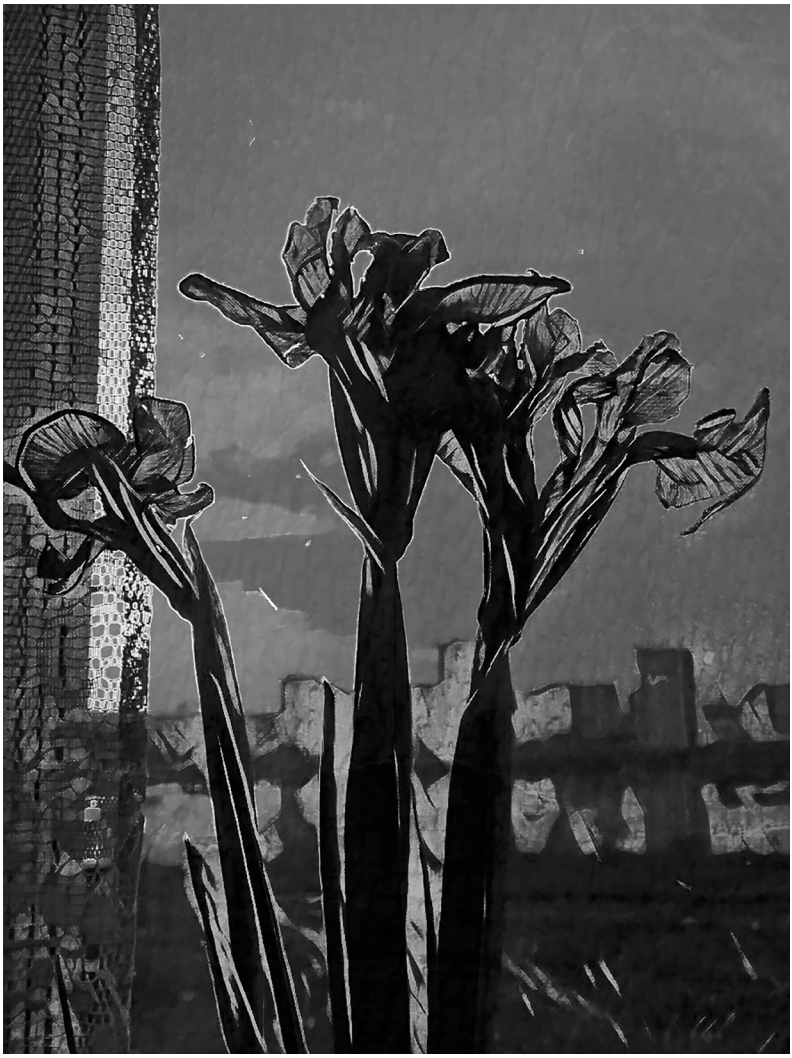
Потом, несколько лет спустя, я прочла описание того состояния, которое в дзэн-буддизме называется сатори, Просветлением. Его невозможно выразить словами. Кстати, ещё Лао-цзы писал: «Дао, которое можно выразить словами, не есть истинное Дао». А в этой Ветке Дао – было. Честное слово. – «Слова, слова, слова...» Но словами я выразить всего этого не могу, что лишний раз доказывает истинность моего детского переживания.

...Мгновение это длилось лишь мгновенье, как и положено: я замерла, созерцая голубизну и алость, и сентябрьское солнце пригревало меня, и ягоды просвечивали насквозь, и я раскачивалась в вышине, и никого и ничего больше не было и не надо было, и мгновение это длилось вечность, как и положено.

Потом я вышла из ступора, снова став просто девочкой Таней, в смущении оглянулась, не видел ли кто из прохожих, как я тупо торчу посреди дороги, запрокинув башку и пялясь куда-то – непонятно куда. Вокруг, о радость, никого не было. Но когда я вновь обратила взор к волшебной Ветке – что-то пропало. Кончилось, изменилось, ушло. Это уже была просто ветка боярышника, свесившаяся из-за забора детсада. Небо оставалось таким же голубым, но и оно словно бы утратило нечто неуловимо-существенное и глядело вполне обыкновенно. Приятная погода, не более того.

Лишь где-то в глубине меня самой оставалось еще тепло – странное, волшебное, но и оно стремительно остывало, съеживалось, улетучивалось. Тогда я постаралась навсегда запомнить, что меня посетило это чувство, что оно БЫЛО. Просто запомнить, как факт, что была… теперь бы я сказала так: была всеобъемлющая связь – меня с миром, мира – с самим собой, и мир этот был невыносимо прекрасен… И я запомнила. И помнила ещё лет тридцать. Но молчала. И вот сегодня попыталась об этом рассказать. И пока я это все писала, в самой моей глубинной глубине – отягощенной вещами, почти столь же грузящими, как мой тогдашний ненавистный портфель – возникало, силилось проснуться, проклюнуться, взлететь нечто неназываемое, нечто такое, что можно лишь почувствовать… Но до конца Оно так и не материализовалось, как ни пыталась я увидеть внутренним взором тот сентябрьский просветленный день. Но это было. БЫЛО! Правда.

2010



Сумеречные ирисы

НАТАЛЬЯ ГРЕБНЕВА

Мой мистический опыт, или Быль, похожая на городскую сказку

Параллельный мир, Тот Свет, или как его называют иначе, энергетический «тонкий план», говорит с нами на том языке, который мы готовы понимать.

В юности я осознала, что такое «мистика чисел»: поняла это, когда сложив цифры числа, месяца и года моего рождения, удивилась, что в сумме получилось число 32, равное номеру моей квартиры. А 3+2 = пятый этаж, на котором я живу. То есть, «тонкий план» подал мне Знак: «Все хорошо! Твой дом – твоя крепость». И это именно так. Мой дом – моя экологическая ниша, где мне спокойно и комфортно, где я мгновенно восстанавливаюсь от тягот ежедневной суеты… Тонкий план слышит меня и говорит со мной.

Стараюсь ничего не просить у Вселенной, кроме терпения, которого часто не хватает. В тяжелый период жизни, когда стало невмоготу от предательства близкого человека, отсутствия любви, в поисках утешения я уехала в Дивеево и несколько дней жила там. Восстанавливалась, наедине со своими мыслями. Исправно посещала службу в Храме, ходила по Канавке*, читая молитвы Пресвятой Богородице, окуналась в Святые источники. Уезжая из Дивеево, написала записочки и поставила в Храме три свечи: за себя и за двух своих незамужних подруг.

Как только я вернулась в Москву из поездки, в течение нескольких недель, неожиданно, при странных обстоятельствах,

---

* **Канавка** – глубокий ров, по которому ходят Крестным ходом. По молитвам на Святой Канавке совершаются многие чудеса. Считается, что того, кто пройдет по Канавке и 150 раз прочитает молитву Богородице, Пресвятая Дева обязательно услышит. *(Прим. ред).*

познакомилась поочередно с тремя, никак не связанными между собой, военными разных родов войск. Их объединяло лишь одно: все трое были свободными, при этом статными и бравыми красавцами-полковниками.

В итоге, один из них стал моим мужем. Двоих оставшихся я познакомила со своими одинокими подругами. Сваха из меня получилась хорошая: образовалось три счастливые семьи, все живут счастливо уже много лет ...

Меня всегда интересовало таинство жизни и смерти. Мы иногда беседовали на эту тему со свекровью, и договорились, что та из нас, которая уйдет первой, подаст «оттуда» Знак, свидетельство того, что смерть – это не конец, а лишь переход в иное состояние, что сознание и душа остаются живыми.

Через несколько дней после похорон свекрови иду я по малолюдной улице и вижу на тротуаре, прямо на асфальте лежит сторублевая купюра. Вспомнила, что последний раз подобная находка была в далеком детстве. Оглянулась – вокруг никого. Улыбнулась, подняла купюру, иду дальше. Через несколько шагов вижу следующую купюру, затем еще и еще одну...

Тогда в недоумении я остановилась и спросила, обращаясь к Небу: «Павловна, неужели это ты?» Перевела взгляд на асфальт. А на нем мелом большими белыми буквами был написан ответ: «Наташа! Я тебя люблю»...

Аналогичная договоренность была у меня также с моим хорошим другом. Нас давно связывали доверительные отношения и похожие взгляды на мир. И вот он безвременно и внезапно ушел, от сердечного приступа. Мы, близкие друзья, собрались в кафе на 9-й день почтить его память. Все ребята отмечали поминки, как положено: с речами и тостами, одна я – некстати! – приехала на собственном автомобиле. Несправедливость эту мы решили исправить, нагрянув впятером с ночевкой к одной из наших гостеприимных подруг.

Подъехали к ее дому и, как всегда, проблемы мегаполи-

са: автомобильная стоянка забита машинами. Вдоль автомобильной дороги тоже стояли машины, среди них я нашла свободное место и припарковалась там. С другой стороны дороги, отделенная очень высоким бордюром, была пешеходная зона. Почему рассказываю о месте парковки подробно – узнаете через несколько строк. А пока в доме подруги мы продолжили добрый поминальный вечер воспоминаний о нашем общем друге. Тогда я и рассказала ребятам о Знаке, которого жду от него.

Наутро мы вышли во двор. Вдоль дороги стояли вчерашние машины, все – кроме моей. Первая мысль, мелькнувшая в моей голове, была: угнали!!! Но удивлению нашему не было предела (все почти одновременно хором воскликнули: «Да ладно!»), когда увидели мою «ласточку» на этом самом высоченном бордюре, на тротуаре пешеходной зоны. Вот кто мог так пошутить, переместив по воздуху тяжелую машину и водрузив ее на своеобразный пьедестал? И кому это надо? С какой целью был совершен этот бессмысленный поступок? Мы переглянулись: «Может быть это и есть он – тот самый ожидаемый Знак от друга?»

Я могу еще долго рассказывать невыдуманные истории из моей, интересной на события жизни, но увы, формат рассказа не позволяет сделать это повествование длинным.

Поэтому подведу итог, в котором я лично давно не сомневаюсь: «Жизнь – она действительно Вечная! Помним об этом, друзья и радуемся многообразию нашего прекрасного мира!»

P.S. Возможно скептики, прочитав этот текст, найдут свои аргументы, факты и версии произошедших событий, в соответствии с их материалистическим видением мира, объясняя это цепочкой случайностей…

Но я твердо знаю: случайность, Его Величество Случай – это тоже непознанная необходимость… Так-то, друзья…

Н.Г.

ВАЛЕРИЯ ИСМИЕВА

Мистический опыт в моей жизни

Вообще-то поэзия – это, так или иначе, мистика. Откуда приходит метафора, которой прежде не было? Мотив, сюжет, поводов для которого нет в повседневной жизни? Эта ниточка уведет далеко. Можно предсказать свое будущее – на двадцать лет вперед – написав десяток строк, в которых ничего не понимаешь. Можно предсказать судьбу страны.

Поэзия рождается в измененном состоянии сознания. Стихи пишутся – в любом.

У повседневных вещей есть «второе дно» — это я всегда знала. Расскажу кое-что из моего опыта.

Например, в снах ко мне приходили мертвые из моего рода – те, кого я застала в живых, и те, кого давно нет на свете и кого я ни разу не видела. Открывали свои имена. Делились силой. Предупреждали об опасности для меня и о смерти близких. Одни сообщения я держала в голове и учитывала, другие, к сожалению, игнорировала.

Чаще всего сообщения высказывались метафорическим языком. О серьезной болезни сны предупреждали заранее, обычно за месяц до события. Обладая наследственным даром, я легко, на расстоянии, откликаясь на просьбы, рассказывала о болезнях тела незнакомых мне людей, и это подтверждалось. По месту старой работы ко мне выстраивалась очередь желающих погадать – но это дело я быстро забросила по многим причинам, хотя дар не утратила. Безо всяких карт предсказывала близким и дальним разные события в жизни.

Помню, бывший муж страшно переживал, что не сможет найти новую работу, когда старая накрылась. Я сказала: «Найдёшь то, что надо, через полтора месяца, примерно в середине сентября, точнее – между двенадцатым и пятнадцатым числа-

ми». Он страшно злился тому, что я так спокойна и наверняка просто говорю ерунду. Но через полтора месяца все так и получилось.

Это повторялось всякий раз, когда случалось что-то подобное. А за полгода до замужества, я получила предупреждение: человек, с которым собираюсь строить серьезные отношения, принесет мне много горя и слез. И все-таки, я не поменяла своего решения. Впоследствии все сбылось...

Как-то раз мы пришли с подругой на старинное кладбище. Устав, я присела на старую, траченную временем скамью, возле красивого памятника, подруга продолжала медленно расхаживать между надгробиями. Мне захотелось закрыть глаза... Когда я их открыла, напротив меня стояла невысокая женщина в белом платке. Мне показалось, что она смотрит на меня с укоризной.

– Вы ведь не против, чтоб я тут немного посидела? – обратилась я к ней.

– Сиди, сиди, силы тебе скоро понадобятся. Что помолилась за меня, спасибо (*обычно, когда я иду по кладбищу, мысленно молюсь за упокоение всех, кто там похоронен*). Если хочешь избежать горя, не ходи (*она назвала одно культурное место, чем очень меня удивила – по виду она совсем не походила на человека, который посещает подобные места и вообще знает об их существовании*). Береги сердце.

– Спасибо, но вроде оно у меня совсем здоровое.

– Береги сердце, – повторила она, печально на меня посмотрела и быстро пошла прочь.

Подошла моя подруга.

– Ты мне что-то сказала?

– Нет, не тебе. А вон той странной женщине.

– Какой женщине?

– Да вон той, видишь, идет по дорожке?

– Не вижу.

– Ну вон же, вон, в длинном таком синем платье и белом платке!

Подруга пожала плечами:

– Нет, не вижу.

Я вскочила и вышла на аллею. Женщина была уже далеко, но все еще заметна. Я показала подруге туда.

– Нет там никого, – убежденно отчеканила подруга и посмотрела на меня пристально.

Не могу сказать, что мне стало не по себе. Скорее, я была в некотором смущении – возможно, незнакомая собеседница не хотела быть увиденной больше никем. Да и подруга не могла взять в толк – разыгрываю я ее или слегка не в себе.

– Я, наверное, задремала, – объяснила я ей и ничего рассказывать не стала – было как-то неловко.

А несколько лет спустя, оказавшись уже на другом кладбище примерно в такую же весеннюю пору, я вдруг вспомнила тот эпизод и подивилась, как точно все исполнилось. И сердце, конечно, та моя собеседница имела в виду не в смысле болезни, а в смысле умения не поддаться любовному чувству к мужчине и поверить словам о дружбе женщины. Чистоту сердца люди лживые обычно не прощают. Впрочем, я и тогда считала, и теперь, что чувство мое было прекрасно и поистине ошеломляюще в своей космической мощи. А что вызывал его мелкий и бессовестный человек – чувство от этого не перестало быть восхитительным опытом, постижением своей безграничной способности к любви и творчеству.

Так что я ни о чем не жалею. Получается, что мертвые предупреждают нас о будущих страданиях, но пойти ли им навстречу или избежать – наш выбор.

Теперь мне всего интереснее добывать информацию «из беспредельного, откуда приходит все» (слова Аркадия Ровнера) через стихи. И это самый волнующий опыт.

Путь

СЕРГЕЙ КРИНИЦЫН

Николай Угодник

В сентябре 2000 года я вовсе не был религиозным человеком в общепринятом смысле – я не ходил в церковь, не читал молитвы, не знал, когда и какие бывают православные праздники.

Около года уже я жил с молодой женщиной, которая сбежала из родительского дома. Мы не были расписаны, но жили как муж и жена, она была беременна, мы ждали ребенка. Ходили на специальные курсы – готовились к домашним родам.

Ясным сентябрьским днем я шел по улице Каховка в сторону Воронцовского парка (я тогда почти каждый день ходил туда прогуляться). Внезапно, очень отчетливо, у меня в голове прозвучал голос: «Поставь свечку Николаю Угоднику». Это было так неожиданно, что я остановился. Рядом никого не было, этот голос никак не был связан с тем, о чем я перед этим думал. Я постоял некоторое время и пошел дальше. Через несколько шагов этот голос прозвучал снова. «Поставь свечку Николаю Угоднику!»

Я очень удивился и решил сделать это.

Я поставил свечки в двух храмах, которые были ближе всего. Потом я об этом не думал, а вспомнил приблизительно через два месяца.

19 декабря у нас родилась дочь. Как я вскоре узнал, в день Николая Угодника.

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА

Черная Пасха. «Тебя забыли в Аду»

Просыпаюсь ночью и чувствую, что мне очень жарко. Но почему, ведь не май месяц, как говорится?

И вот вижу я внутренним взором языки пламени у себя с левого бока, со стороны спины, они и дают жар. Я спрашиваю: «Что это?» Мне говорят: «Тебя забыли в Аду, ты тут праздновала вчера Адскую Пасху, и тебя тут забыли». Надо же, забыли! Как будто я вещь какая, что меня можно забыть. Мне стало обидно. Я почувствовала себя так, как будто меня использовали для каких-то своих надобностей, а затем, за ненадобностью, бросили.

А до того произошло следующее. Вечером, накануне Пасхи, в Страстную Субботу, до полуночи, до воскресения Христова, оказывается, празднуют Черную Пасху. С момента получения Благодатного огня, это примерно в 3 часа дня, и до воскресения Христа, до 12 ночи. Кстати, это время считается самым опасным временем у православных христиан, это как раз самый разгул бесов. И надо быть в это время очень бдительным и беречь себя.

Я посмотрела по телевизору схождение Благодатного огня в Иерусалиме. Хорошо. И тут слышу, как (в моем внутреннем мире, конечно) появились *Отцы Пасхи* и надо их встретить, угостить и всё такое. Я удивилась: почему так рано? Обычно первые Отцы либо Матери праздников приходят не ранее 9-ти вечера, а то и в 9 утра.

Ну ладно, пришли так пришли. Я налила им стакан вина, поставила на стол, сварила 2 яйца, тоже положила на стол на тарелочку. Пригласила угоститься. Хорошо. Они угостились.

Потом пришла *Черная Люда* и попросила покурить для нее. Что делать, я покурила. Потом пришел *Черный Отец* и тоже попросил покурить для него. Тут я уже засомневалась,

а стоит ли? И почему все черные идут? «Ну как? Потому что сейчас Черная Пасха, и к тебе пришли Отцы Черной Пасхи, и ты сейчас ее с ними празднуешь». – «Я?» –«Ну да. А ты что, не знала?» –«Нет. Они не сказали, что они Отцы Черной Пасхи, сказали, что просто Отцы Пасхи». – «Но Пасха бывает разная, ты что, не знала?» – «Нет». – «Черная Пасха наступает перед обычной Пасхой, вечером накануне, в Страстную субботу. И длится до Воскресения Христа. Вот так».

Вот таким чу́дным образом, нежданно-негаданно, я попала на празднование Черной Пасхи. Конечно, это было в моем внутреннем мире, а не наяву.

Но вернусь к своему рассказу. На следующий день, после Пасхи уже, я и проснулась ночью, и почувствовала жар пламени. И оказалось, что меня забыли в Аду после празднования Адской Пасхи. Но как кого меня забыли? Как *Люду Судьбы*. Я испугалась, зову Отца своего, *Отца Судьбы*, и прошу его вывести меня из Ада. Он стал спрашивать разрешения вывести меня, если уж забыли. Сначала не разрешали, потом дали разрешение. Открыли врата Ада, и мы вышли.

И пошли мы с Отцом в свой Дом, *Дом Люды Судьбы*. Но его ещё надо было найти, и мы попросили указать направление, так как было темно и непонятно, куда идти. Нам указали направление, и мы пошли.

Пришли в свой Дом. Он оказался темным, холодным, пустым, был весь в какой-то серой пыли. Отец пошел наверх, в свою комнату, отдохнуть. Я тоже прилегла. И вдруг вижу снова языки пламени у себя с левого бока. «Но почему, откуда это пламя, ведь мы же вышли из Ада?» –«Вышли-то вышли, – но прихватили его отчасти с собой». И наконец, я поняла, в чем, собственно, проблема. Это порча «Ад», мне ее поставил вчера в Аду Отец Зла. Вон оно что! И пока ее не снимешь, так и будет это пламя с левого бока гореть. И оно горит и обжигает меня сейчас с левого бока. Не зря говорят: свой ад каждый носит с собой. Наш ад находится внутри нас. Вот такие дела.

17.04.2023

Город

МАРИНА СОЛОВЬЕВА

Невозможно поверить

Когда папа вышел на пенсию, он исполнил свою давнюю мечту: купил домик в деревне. Ему с мамой там очень нравилось: красивая природа, рядом река, мало народа. Но про эти места под Кашином многие слышали – и также покупали в деревне старые дома, переделывая их под дачи. Нашим соседом по такой деревенской даче оказался весьма неприятный мужчина. Звали его Николай. Он служил во внутренних войсках, и, судя по отдельным репликам, занимался то ли охраной, то ли «разработкой» заключенных, идущих по политическим статьям. Николай решил, что если мой отец – юрист и бывший следователь, то они подружатся. Но мой папа был диаметрально противоположных политических взглядов: ненавидел сталинский произвол, а на полке у него в деревне стояли книги Солженицына и Бродского. Поэтому дружбы не получилось, хотя папа на прямую дискуссию с соседом не выходил и очень сдержанно отвечал на его вопросы. Что касается совместной выпивки, папа заявил, что он вообще не пьет по состоянию здоровья (хотя, если честно, его здоровье позволяло выпивку, но он пил только с друзьями и по праздникам). Сосед перестал напрашиваться на дружбу, но как заметил Зощенко, «затаил в душе глубокое хамство».

А между тем наступила весна, настали теплые денечки, и мы решили всей семьей съездить в деревню: отвести на летний сезон родителей и провести с ними выходные. Маму с внуками и вещами мой муж повез на машине, а мы с папой поехали поездом. В Кашине пересели на рейсовый автобус. Его конечная остановка была в большом селе, от которого мы должны были еще три километра топать до дома. Но нас не пугала такая перспектива: всю дорогу мы с папой прогово-

рили и уже предвкушали, как за интересными разговорами доедем до села, а потом пойдем по красивой дороге через лес, вдыхая долгожданный свежий воздух. И тут, к нашей досаде, с поезда сошел сосед Николай и тоже направился к автобусу. Заметив нас, он оживленно поздоровался, тут же подсел к нашему месту поближе и стал слушать, о чем мы разговариваем. А разговаривали мы в этот момент о религии, вернее о только что легально вышедшей книге Ренана «Жизнь Иисуса» и версии Евангелия в знаменитом романе Михаила Булгакова. Николай слушал нас и, судя по его ерзанию, ему наш разговор был чужд и даже где-то неприятен. Наконец он не выдержал:

– Вот скажи мне, Тимофеич… – обратился он к отцу.

(Меня он вообще никогда не замечал, вероятно, не считая женщину за человека).

– Вот ты, фронтовик, член партии, и что – веришь в Бога?

Папа ответил ему:

– Я не могу сказать, что верю в Бога, как верит церковный православный христианин, скорее, я верю в существование какого-то Высшего разума, участвовавшего в создании мира.

Сосед вдруг с непонятной злостью снова спросил:

– А в Христа тоже веришь?

Папа ответил:

– В то, что Христос – Бог я не верю, но в том, что Он реально жил и был выдающейся личностью, я абсолютно уверен.

В это время наш автобус подъезжал к конечной остановке. Мы встали и начали проходить к выходу. Сосед шел впереди нас. Вдруг у самой двери он остановился. Повернулся к нам и с дикой яростью произнес:

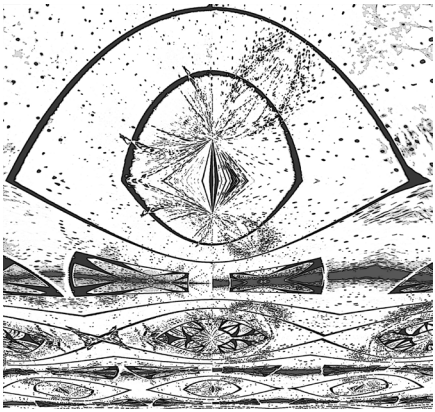
– А я вот не верю! И вообще, … я вашего Христа!

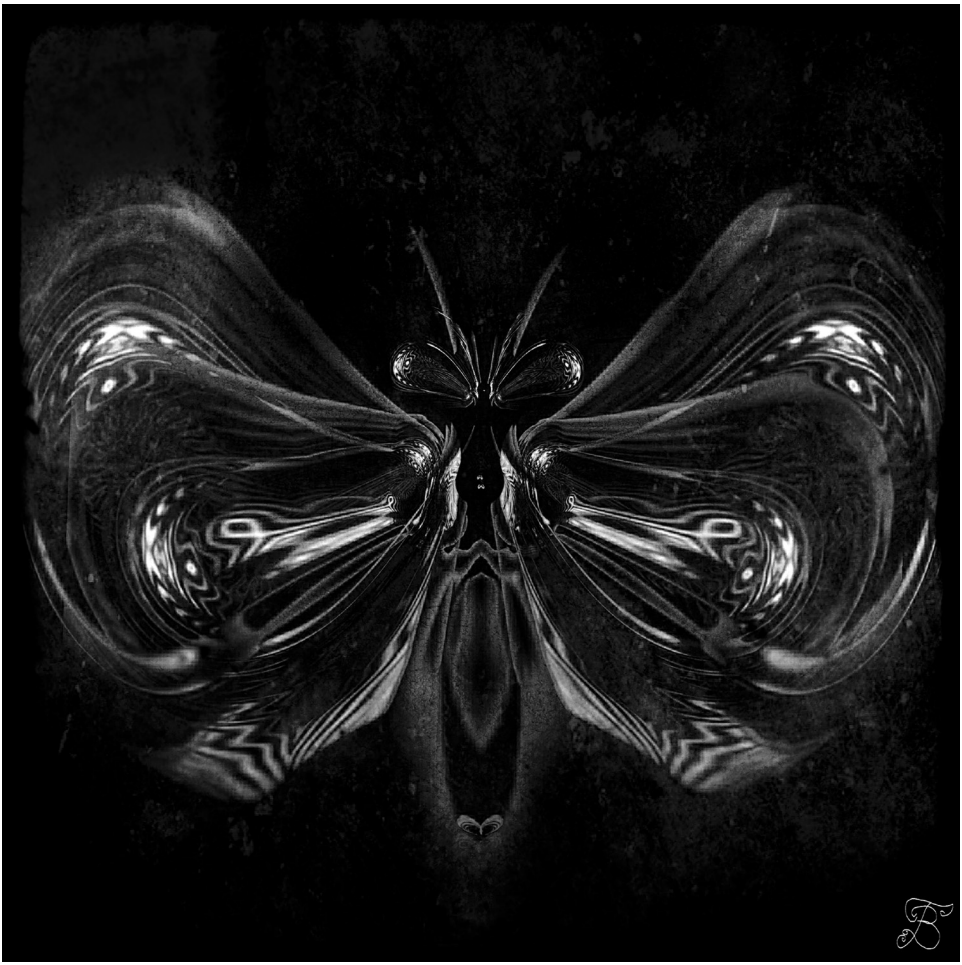
Это площадное грязное ругательство так громко прозвучало на весь автобус, и было так жутко и неожиданно, что в салоне возникла мертвая тишина. В это время двери автобуса раздвинулись. А Николай вдруг как-то странно задергался и

выпал из дверей навзничь прямо на землю. Все охнули. Николай лежал мертвый возле автобуса. Его лицо было искажено жуткой гримасой. Папа тут же вызвал «скорую», милицию. Врач констатировал смерть – скорее всего, от инсульта – и тело Николая увезли. Народ стал расходиться. Какое-то время мы шли молча, потрясенные произошедшим. Потом папа остановился и произнес:

– Знаешь, если раньше я считал Христа великим человеком, то теперь точно уверен, что Он – Бог. Мы перекрестились и пошли дальше по лесной тропинке к нашему деревенскому дому.

По дороге мы говорили с папой о том, что если бы сами не были свидетелями этого страшного случая, ни за что бы в такое не поверили!





Фобия

ЕЛЕНА ТВЕРДИСЛОВА

Золотистый камень Мицкевича

В начале 1990-х я приехала в Краков и сразу же направилась в Вавель*, где была только с группами и никогда – сама. Стояла жуткая жара, все в городе, как в сиесту, попрятались в домах. На улице почти никого – лишь по Вавелю – красиво уложенному булыжником двору – расхаживали отдельные посетители, да в Королевском замке с его неописуемо изящными, хоть и огромных размеров, арасами-гобеленами, появлялись то тут, то там кучки туристов. Ходила по главному Собору, упокоившему королей польской истории и духа, и пусть Храм был оставлен Сигизмундом Ш, который предпочел Кракову Варшаву, сердце Польши отныне здесь – величественно и достойно оно билось неотрывно от страны и ее народа. Вокруг тишина, огромные своды напоминают о Небе и Вечности, а все вокруг – о том, что есть Память. И она жива. Непреходящие «Дзяды» (что означает«предки») Мицкевича.

Собралась было уходить, но заметила крипту** – по смотрителю: стоит почти что на часах при входе (прямо как у мавзолея с Лениным). И тут вспомнила, что в этой крипте – прах Мицкевича. Как не поклониться? А сколько ухищрений понадобилось, чтоб вывезти тело – «умер от холеры»! – из

---

* **Вавель** (польс.Wawel) — холм и архитектурный комплекс в Кракове на левом берегу Вислы. Место захоронения польских королей, а ныне – выдающихся граждан Польши. *(Прим. ред).*

** **Крипта** (от др.-греч. κρυπτή — «крытый подземный ход; тайник») — в средневековой западноевропейской архитектуре одно или несколько подземных сводчатых помещений, расположенных под алтарной и хоральной частями храма и служащих для погребения и выставления для почитания мощей святых и мучеников. Другое название крипты — «нижняя церковь». В Древнем Риме криптой называли любое сводчатое подземное или полуподземное помещение. *(Прим. ред).*

Турции: «Без тела Мицкевича не было бы поляков», – писал исследователь судьбы поэта после его смерти... Но часовой меня остановил: – Ваш билет!

– Вот, – протянула я входной удивленно.

– Нет, – сказал он, – на крипту полагается отдельный билет.

– Я не знала, – грустно заметила я, представляя, как по этой жаре мне снова тащиться через площадь к кассе, а потом возвращаться... Но охранник понял меня по-своему.

– Откуда?

– Из России.

– Ах, нищета, нищета! Иди уж!..

И я спустилась вниз по ступенькам.

Мицкевич – фигура мистическая, все, что о нем сказано и написано, проверять и перепроверять, он времени не подвластен; убеждена, что мощь его личности до сих пор не оценена по достоинству. Да и можно ли такое измерить? В состоянии ли мы? Он принадлежит не только Польше, он принадлежит всему миру, но мир не всегда способен вбирать и осмысливать национальное как общечеловеческое. Тут или свое, или чужое. А Мицкевич, с его судьбой изгнанника, поляк, родившийся на землях Белоруссии и выросший в Литве, смело примешивал провинциализмы в литературный стиль, попав в Россию, как в ссылку, впитал и русскую культуру тоже, а на ее почве, при своем изящном французском, по замечанию Вяземского, обогатил себя и французской речью, что ой как пригодилось в эмиграции, особенно когда в Коллеж де Франс читал знаменитые лекции по Славянским литературам. Один, без гугла и интернета, без всяких энциклопедий и справочников, осилил то, на что спустя столетия понадобились институты...

Конечно, масштаб его личности далеко уходит за европейские горизонты, мне он всегда казался подобным Аврааму, который услышал зов и пошел за ним, поведя за собой народ. Мицкевич тоже слышал зов, но пошли ли за ним?

А главное – идут ли сегодня? Хотя бы интеллектуалы? Как правило, идут те, кто придумывает себе Мицкевича, видит его по-своему, превращая в знак национального качества. А он следовал духу еврейского Завета – не крови, не происхождения (что ему приписывается). Потому и приписывается. Просто произошла путаница: его теща, композитор и пианистка Мария Шимановская, была из франкистов*, и даже написала по этому поводу «*Записки*», которые заинтересовали Александра I. Кто знает, заинтересовала бы вообще она царя, не будь столь талантливым музыкантом, а царь тогда задумывался над русской верой: не поменять ли? Опыт Якуба Франка, умудрившегося покрестить толпы евреев за короткое время, только теперь начал осмысляться. Поэт дружил с перешедшей в христианство тещей, очень ее любил, был к ней привязан по-родственному, а еще больше, по духу, даже называл «мама», может, еще и потому, что свою собственную мать считал «чужой»? Ей, бедной, долгое время приписывали скрытое еврейство, мотивируя тем, что фамилия у нее типичная для франкистов – Маевская (а была шляхетская, идущая с XVI века), ведь Якуб Франк имел обыкновение давать своим новоиспеченным христианам фамилии по названию месяца их крещения. На этом основании выстроилась версия иудейского происхождения поэта, что полностью противоречит его юдофильству… Мало кто из европейских поэтов столь глубоко и органично проникся Ветхозаветным призывом, как Мицкевич, окунувшись в смысл польских страданий опытом еврейского народа и осознав их в утрате того многоличия и

* **Франкисты** – (здесь) полухристианская мистическая мессианская секта, основанная среди польских евреев Якубом (Яковом) Франком (1726–1791). В итоге франкисты приняли католичество. *(Прим. ред.)*

многоязычия, каким славилась и гордилась Польша. Рассеянная, она избежала изоляционизма, который подстерег ее и взял в свой капкан уже свободную.

Не сладко звучат мицкевические струны…

Но сейчас я испытывала блаженство, физически ощущая спокойствие – абсолютный штиль. Такое редко со мной бывает, лишь в минуты сильного напряжения, которого сейчас не было. Наоборот, я наедине с самой собой, стесняться некого, полная раскованность. Я подошла к едва розовеющему, скорее золотистому камню – и неожиданно поискала глазами пусть крошечное, но окошко, словно откуда-то сверху шел свет. Камень был большой, высокий и гладко отшлифованный, придавая блеска своему же сиянию – такой за минуту не обежишь, руками не обнять. Под ним прах поэта. Я опустилась на колени и прижалась к камню лбом. Мне совсем не хотелось говорить. Даже с самой собой. Даже стихи. Только прикоснуться. Это не было надгробием и не было плитой – пусть и огромной; в камне была легкость, и он был теплый, будто минуту назад на нем лежал солнечный свет, он не успел остыть. Очень приятный. «Надо же, – подумала я, – жара и сюда проникает». Если бы не смотритель, который, стоя на верхней ступеньке, решил проверить, что это я тут так долго одна делаю, я бы еще стояла и стояла – на коленях, прижавшись всем телом к излучавшему ласковое тепло камню и наслаждаясь живым присутствием… Но момент был сломан. Я поднялась и, оглянувшись, увидала надгробие Словацкого*, быстро подошла к его камню, подумав о поразительном стечении обстоятельств: прах этого и еще

* **Словацкий, Юлиуш** (1809–1849), выдающийся польский поэт-романтик, драматург, философ-визионер. Был знаком с А. Мицкевичем. Похоронен на кладбище Монмартр, а в 1927 г. его прах торжественно перевезли в Краков и захоронили в Вавельском соборе рядом с Мицкевичем. *(Прим. ред.)*

одного великого поэта* везли на корабле, который назывался «Мицкевич». Случайность – или намеренно старались так сделать?.. К нему я тоже приложилась – рукой. И отпрянула. Камень был холодным. Дух бы перевести… И снова невольно подумала – может, всё-таки откуда-то бьет луч горячего солнца? Подземелье со всех сторон замкнуто. И чтобы не потерять теплоты, какой меня одарил Мицкевич, я с той же скоростью поднялась наверх и вышла на улицу.

Весь день меня не отпускало его тепло, будто вокруг снег, стоят лютые морозы, но меня это не страшит, потому что со мной отныне то, что постоянно согревает.

* Сердце поэта Тадеуша Костюшко (1746–1817) хранилось в польском музее в швейцарском Рапперсвиле. В 1927 г. перевезено в Варшаву. *(Прим. ред.)*

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Осокина
Предисловие 3

Николай Архангельский
Осень 1991 6

Изабелла Вербова
Шуба 9

Татьяна Виноградова
Ветка на фоне неба 12

Наталья Гребнева
Мой мистический опыт,
или Быль, похожая на городскую сказку 16

Валерия Исмиева
Мистический опыт в моей жизни 19

Сергей Криницын
Николай Угодник 24

Людмила Осокина
Черная пасха. «Тебя забыли в аду» 25

Марина Соловьева
Невозможно поверить 28

Елена Твердислова
Золотистый камень Мицкевича 32

Московский союз литераторов

Мистические истории

литературно-художественное издание

Редакторы
Татьяна Смирнова
Людмила Влодова

Корректор
Ольга Ларина

Верстка, макет, оформление
Людмила Влодова

Художник
Татьяна Виноградова

Московский союз литераторов, 125009, Москва,
ул. Б. Дмитровка, 5/6, стр. 8
+7 (499) 692-06-03
dmitrovka5@yandex.ru

подписано в печать 4 августа 2023
Формат 84x108 1/32 гарнитура Georgia

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5
www.t8print.com info@t8print.ru тел.: +7 (499) 322-38-31